

Су Мучжэнь слегка замешкалась. «Раз принцесса уже согласилась временно стать наставницей Нин, значит, не позволит ей искать другого учителя. А это значит, что нужно попросить учителя Чэня уйти». Су Мучжэнь не знала, что произошло в это время, но раз принцесса отдала приказ, она должна была его выполнить.

— Слушаюсь.

Ли Линъюе с улыбкой кивнула:

— В таком случае, вопросов больше нет. Иди сначала постой у ворот монастыря. Если к часу Шэнь ничего не случится, приходи ко мне на спарринг.

— Слушаюсь, — Су Мучжэнь поклонилась и отступила.

□

Спустя двадцать дней, когда за Благотворительным домом уже не требовалось постоянного надзора со стороны Су Мучжэнь, Ли Линъюе одолжили из дворца воина, чтобы специально обучать их обоих боевым искусствам. Так, в обычные дни Ли Линъюе, встав утром, шла сначала в кабинет, задавала Су Мунин уроки, а затем вместе с Су Мучжэнь изучала военные трактаты. После полуденного отдыха она начинала тренироваться: упражнялась в верховой езде, стрельбе из лука и фехтовании, а время от времени устраивала спарринги с Су Мучжэнь.

В самый разгар жары Ли Линъюе вместе с Су Мучжэнь отправилась к нескольким богатым купцам. Она закупила огромное количество зерна, которого хватило бы, чтобы накормить почти всех жителей города.

Су Мучжэнь тогда была очень удивлена, но не стала задавать вопросов, лишь выполнила приказ принцессы: через несколько месяцев она снова нашла этих купцов, тайно перевезла заготовленное зерно и назначила специальных людей для его охраны.

Дни в заботах пролетали незаметно, и вот уже наступил конец года. Ли Линъюе помнила, что в начале года императрица У прикажет ей вернуться. И вскоре после ее возвращения ее бедный шестой брат Ли Сянь будет смещен с трона наследного принца. Ключевым моментом в этом деле... Хитрая улыбка заиграла на губах Ли Линъюе. Она поняла, что должна воспользоваться этим моментом, чтобы встретиться с одним человеком.

Ли Линъюе помнила, что в прошлой жизни ее шестой брат Ли Сянь, помимо матери императрицы У, больше всего ненавидел человека по имени Мин Чунъянь. Мин Чунъянь был даосом, и даосом не простым, а обладающим определенными способностями. Он был красив, владел колдовством, медициной и искусством физиогномики, благодаря чему пользовался большим расположением императора Гаоцзуна и императрицы У.

Тогда, когда Ли Сянь лишился трона наследного принца, этот человек сыграл не последнюю роль. Двое Владык попросили Мин Чунъяня посмотреть на лица своих сыновей. Мин Чунъянь посмотрел, но ничего не сказал, а когда те ушли, сообщил Двум Владыкам, что физиогномия Ли Сяня неудачна и он, похоже, не способен унаследовать престол. Узнав об этом, Ли Сянь проникся убийственными намерениями. Но не думал он, что вскоре после смерти Мин Чунъяня сам будет втянут в это дело и из высокого наследника превратится в простого подданного.

Некоторые говорили, что Ли Сянь убил бессмертного и понес кару, но Ли Линъюе с этим не соглашалась. По ее мнению, Мин Чунъянь был всего лишь удачливым шарлатаном с красивой внешностью. Однако, поскольку он пользовался доверием Двух Владык, он мог пригодиться.

□

Выбрав выходной день, Ли Линъюе с несколькими слугами отправилась на поиски Мин Чунъяня.

— Господин Мин, — слегка кивнув головой, Ли Линъюе поприветствовала его.

Мин Чунъянь ответил:

— Приветствую принцессу, скромный даос почтительно кланяется. Не знаю, какой добрый ветер принес принцессу сегодня в мою обитель?

Сказав, что кланяется, он лишь слегка поклонился, сложив ладони вместе. Ли Линъюе не придала этому значения, ведь люди Дао всегда так поступают. Она мягко улыбнулась:

— Я слышала, что друг-даос владеет тайными учениями, поэтому пришла попросить наставлений.

Мин Чунъянь понял, что принцесса подтрунивает над ним, и, погладив свою роскошную бороду, почтительно пригласил ее сесть.

Когда они разместились, Ли Линъюе начала обсуждать с Мин Чунъянем даосский путь.

— Великий учитель сказал: «Забвение чувств на Небесах — это метод совершенствования небесных святых». Каково ваше мнение, господин Мин?

Мин Чунъянь немного подумал и ответил:

— Верно. Забвение чувств на Небесах не означает, что святой бесчувственен. Это значит, что чувства настолько глубоки, что переходят в забвение, и безличие превращается в великую любовь. Это подобно тому, как Паньгу открывал небо и землю: он предпочел смерть без сожалений. Хотя он был безразличен к себе, это была великая любовь ко всем существам.

Ли Линъюе с интересом кивнула, а затем спросила:

— Исходя из этих слов, разве не должен ли следовать им и Совершенномудрый Великой Тан?

Мин Чунъянь погладил длинную бороду:

— На взгляд скромного даоса, так и должно быть. Совершенномудрый — владыка нашей Великой Тан. Если он позволит личным чувствам потревожить себя и ошибиться в государственных делах, разве это не будет печально?

— Господин Мин действительно смел в речах, — Ли Линъюе улыбнулась, вспомнив ту грациозную женщину, но затем не смогла не возразить. — Дедушка часто говорил: «Вода может нести лодку, но может и перевернуть ее». На мой взгляд, слово «чувства» подходит под это правило так же. Одни из-за них совершают ошибки, другие же, стремясь к ним, вдохновляются и в итоге достигают великого. В этом нельзя винить чувства, винить можно лишь самого человека, если он недостаточно прозорлив и не может различить, что важно, а что второстепенно.

Мин Чунъянь с одобрением улыбнулся:

— Слова принцессы тоже справедливы. Даосский путь естественен, его нельзя свести к одной

формуле.

— Вы льстите, господин Мин, — Ли Линъюе слегка поклонилась. Вспомнив о цели сегодняшнего визита, она вдруг с улыбкой сменила тему. — Я слышала, что господин Мин владеет искусством физиогномики. Не могли бы вы взглянуть на меня?

Мин Чунъянь кивнул:

— Раз принцессе интересно, то скромный даос посмотрит.

— Прошу вас, — Ли Линъюе мягко улыбнулась, позволяя Мин Чунъяню внимательно разглядывать себя. Хотя она и следовала пути Дао, на самом деле не верила в эти колдовства и гадания. Но если эти искусства смогут заставить императрицу У переменить мысли и позволить ей служить, то она должна отнестись к этому серьезно и использовать это в своих целях.

Пока он смотрел, Ли Линъюе заметила, как брови Мин Чунъяня постепенно сдвинулись, и не удержалась от любопытства:

— Господин Мин, что-то не так? Не беспокойтесь, говорите прямо.

Мин Чунъянь, поглаживая бороду, ответил:

— Физиогномия принцессы... указывает на невероятное богатство и почести.

— О? — Ли Линъюе с интересом посмотрела на него. Она не верила, что одни слова о богатстве и почестях могли заставить его нахмуриться.

Мин Чунъянь смотрел на это улыбающееся личико, за которым скрывались скрытые умысел и тайны, и вдруг в воображении увидел императрицу У, восседающую на троне в зале Ханьюань и управляющую государственными делами. Он невольно сжался. Действительно, как он и увидел, у принцессы Тайпин тоже облик государя. Но чтобы усидеть на троне, ей не хватает устойчивости по сравнению с ее братом, принцем Сяном Ли Данем. Похоже, через несколько лет в Великой Тане снова поднимутся ветры и волны.

Сдержанно улыбнувшись, Мин Чунъянь, понимаете, не сказал этих слов Ли Линъюе, а лишь туманно ответил:

— Да, у принцессы облик благородного человека, в будущем она непременно достигнет великих высот.

— Господин Мин снова шутите. Какое великое свершение может быть у простой женщины? — Ли Линъюе уклончиво отшутилась, игриво улыбнувшись и изогнув брови. — Я слышала, что вы часто бываете во дворце на аудиенции у моей матери.

Мин Чунъянь замер, поспешно ответил:

— Принцесса, я посещаю дворец только для того, чтобы обсуждать государственные дела с Императрицей-матерью.

Ли Линъюе усмехнулась. В прошлой жизни она слышала, что Мин Чунъянь был близок с ее матерью, и сегодня, проверив это, убедилась в этом. В душе ей стало жаль своего честного отца, но на лице она сохранила легкую улыбку:

— Почему вы так торопитесь, господин Мин? Я просто хочу, чтобы вы передали слова.

— Принцесса... — Мин Чунъянь уклончиво погладил бороду. — При таком статусе принцессы, если вы хотите передать слова Императрице-матери, зачем нужен скромный даос?

— Да потому, что матушка больше верит вам, господин Мин... — специально сделав паузу, Ли Линъюе увидела, как у Мин Чунъяня дернулся висок, и вдруг резко сменила тему. — Господин Мин владеет божественным Дао, и ваши слова, конечно, убедительнее для людей, чем слова такой простой девочки, как я.

— Принцесса льстит, — Мин Чунъянь улыбнулся, но в этой улыбке не было тепла. — Не знаю, что принцесса хочет, чтобы я сказал?

— Я хочу, чтобы вы сказали матушке: если она хочет достичь великих свершений, то обязательно нужна я рядом.

— Это... — Мин Чунъянь застыл. Смысл этих слов был очевиден: принцесса хотела вмешаться в государственные дела.

Ли Линъюе ласково улыбнулась, успокаивая его:

— Не волнуйтесь, господин Мин. Я просто устала от жизни в монастыре Тайпин и хочу вернуться жить во дворец Дамин.

— Принцесса... — Мин Чунъянь пытался отказаться. Ли Линъюе видела это, но на ее лице по-прежнему играла дружелюбная улыбка. — Хотя матушка больше верит вам, отец и несколько моих братьев, кажется, больше верят мне — своей дочери и сестре.

Это была угроза: если он не поможет, она расскажет императору и принцам о делах между ним и императрицей У. Хотя Мин Чунъянь не верил, что Ли Линъюе предаст свою мать, но с людьми императорской семьи нельзя судить по обычной логике. На случай одной беды из десяти тысяч, он действительно беспокоился. Поразмыслив, он все же решил подчиниться желанию собеседницы.

— Всего лишь несколько слов. Принцесса скучает по дому, так какая же причина у скромного даоса отказать?

Ли Линъюе смотрела на эту фальшивую улыбку, и в сердце у нее было только презрение, но на лице она сохраняла улыбку, сложив руки в приветствии:

— В таком случае, благодарю вас, господин Мин. Если в будущем случится перемена судьбы, я обязательно защищу вашего сына.